

Вязовик Татьяна Павловна

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ

В статье рассматривается проблема инвариантного грамматического значения местоимений как части речи.

Автор, опираясь на идеи А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. Г. Адмони и др., обосновывает точку зрения, согласно которой местоимения можно рассматривать как грамматическую группу слов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/4/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 40-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

EPOS AND HEROIC FAIRY TALE IN EASTERN EVENKS' EPIC TRADITION**Aleksandr Nikolaevich Varlamov**, Ph. D. in Philology**Galina Ivanovna Varlamova**, Doctor in Philology*Sector of Evenk Philology**Institute of Classical Researches and Problems of Smaller Peoples of the North**Russian Academy of Sciences (Branch) in Siberia**ataki2006@yandex.ru*

The authors discuss epic genre specific features in Eastern Evenks' folk traditions and consider two main types of Eastern Evenks' epic texts - heroic epos and heroic fairy tale.

Key words and phrases: Evenks; epos; heroic legend; heroic fairy tale.

УДК 81`36

В статье рассматривается проблема инвариантного грамматического значения местоимений как части речи. Автор, опираясь на идеи А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. Г. Адмони и др., обосновывает точку зрения, согласно которой местоимения можно рассматривать как грамматическую группу слов.

Ключевые слова и фразы: грамматическое значение; инвариантное грамматическое значение; категориальное (глубинное) значение; местоименные разряды; часть речи; объективные и субъективные категории; логико-грамматические и коммуникативно-грамматические значения.

Татьяна Павловна Вязовик, к. филол. н., доцент

*Кафедра книгоиздания и книжной торговли**Северо-Западный институт печати**Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна**satolva@list.ru***К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ©**

Разнообразие грамматических проявлений местоимений, так или иначе соотносимых с грамматическими проявлениями других знаменательных слов, дает основание распределять их между разными частями речи, отказывая тем самым в признании наличия у местоимений инвариантного грамматического значения. Как отмечал В. В. Виноградов, «если местоимения собрать в один класс, то нарушится цельность системы частей речи: в классе местоимений окажутся слова разной грамматической природы» [2, с. 245-246]. Именно поэтому многие лингвисты не рассматривают местоимения как самостоятельную часть речи [10; 13; 15]. Однако согласно концепциям, отраженным, в частности, в учебных грамматиках, местоимения относятся к знаменательным частям речи, противопоставленным служебным словам и междометиям. Что же позволяет их интерпретировать как самостоятельную часть речи?

Традиционно у знаменательных слов выделяют лексическое и грамматическое значение. При этом лексическое значение является основой так называемого категориального, глубинного значения, представляющего обобщенное лексическое значение той или иной части речи, или общее значение слов как частей речи, т.е. значение, абстрагированное как от конкретных лексических значений, так и от грамматических категорий и форм. Иногда считают, что обобщенное грамматическое значение наслаивается на лексическое значение слов, однако при этом несводимо к лексическим значениям [1].

Как отмечал В. Г. Адмони, «денотатом и лексических, и грамматических значений являются здесь отраженные в человеческом сознании - либо более прямо, либо преломленно - явления и отношения объективной действительности. Поэтому грамматические значения такого рода можно определить как логико-грамматические». При этом такие грамматические значения «демонстрируют чрезвычайную непосредственную связанность с такими морфологическими формами слова, как части речи, падежи, финитная форма глагола и т.д. Эти значения непосредственно принадлежат морфологическим структурам, и часто именно к ним применяется термин «категориальные значения» [Там же, с. 17]. Тем не менее именно наличие лексического значения является основным условием появления у слова такого обобщенного грамматического значения.

Среди грамматических значений обычно выделяют общие и частные грамматические значения. Как писал Лопатин, части речи имеют «обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное (стандартное) выражение. В области морфологии это общее значение слов как частей речи (например, значение предметности у существительных, процессуальное у глаголов), а также частные значения словоформ и слов в целом, противопоставляемые друг другу в рамках морфологических категорий... (например, значение того или иного времени, лица, числа, рода)» [7, с. 116].

Нередко грамматическое значение не дифференцируется на общее и частные значения, однако признается тот факт, что грамматическое значение по своей природе неоднородно: заключенное в одной и той же материальной оболочке, оно может быть более абстрактным или менее абстрактным. При этом между максимально абстрактным значением и конкретными частными значениями существует определенная зависимость: обобщенное грамматическое значение предметности, в частности, реализуется в грамматических значениях неизменяемой категории рода, значениях словоизменительных категорий числа и падежа, значение непроцессуального признака - в значениях словоизменительных категорий рода, числа и падежа и т.д.

По отношению к местоимениям можно говорить о том, что у них отсутствует лексическое значение, на базе которого могло быть сформировано глубинное (обобщенное лексическое) значение, способное интегрировать данную группу слов в часть речи. В то же время мы можем говорить о некоторых местоименных разрядах, объединенных значениями субстантивности, адъективности, нумеративности и др., соотносительными со значениями соответствующих частей речи - существительных, прилагательных, числительных, наречий, что позволяет им выступать «эталоном» этих частей речи: местоимения-существительные (кто? что?), местоимения-прилагательные (какой? чей?), местоимения-числительные (сколько?), местоимения-наречия (где? когда? почему? и т.д.). Иными словами, по степени абстрактности значений местоимения близки к категориальным значениям частей речи. При этом категориальные значения проявляются в соответствующих частных грамматических значениях: субстантивность в значениях рода, числа, падежа, лица; одушевленности/неодушевленности; адъективности - в значениях рода, числа, падежа; нумеральности - в категории падежа; адвербиальности - синтаксически.

Самой большой спецификой отличаются субстантивные местоимения. Так, среди личных местоимений есть слова, обладающие классифицирующей категорией единственного числа, категорией падежа, категорией лица (*я, ты*); слова, обладающие классифицирующей категорией множественного числа, категорией падежа, категорией лица (*мы, вы*); слова, обладающие словоизменительными категориями числа и рода, категорией лица (*он, она, оно, они*).

Такого рода грамматичность местоимений обуславливает их грамматические функции в синтаксических структурах - простых и сложных предложениях и является основанием для того, чтобы «растворять» местоимения среди других частей речи. Поскольку в основе такого деления лежит способность местоимений замещать те или иные части речи, не все считают выделение местоимений-существительных, местоимений-прилагательных, местоимений-числительных, местоимений-наречий целесообразным. В частности О. Есперсен отмечает: «...разряд слов-заместителей, которые можно было бы подразделить на просубстантивные, проадъективные, проадвербиальные, проинфинитивные и проглагольные слова (а также и слова, заменяющие целые предложения...). Но едва ли такой разряд можно было бы считать грамматическим разрядом» [6, с. 72].

Традиционно вопрос о грамматическом значении решается, исходя из приоритета грамматических форм, ассоциируемых с флексиями и некоторыми аффиксами, например, суффиксами -л- (выражает значение прошедшего времени глагола), -и- (выражает значение повелительного наклонения глагола) и ряда других. Иными словами, грамматическое значение всегда имеет формальное выражение во флексиях и иных аффиксах. Если значение не получает такого выражения, оно не является грамматическим [9]. Исходя из этого, местоимения не имеют ни общего грамматического значения, ни общих грамматических категорий и форм.

Вместе с тем далеко не все исследователи придерживаются такой точки зрения. В частности, Б. Н. Головин считал, что в философско-лингвистическом плане грамматическое значение - это особый тип «образов» или «отображений» действительности в сознании коллектива; «образы» этого типа характеризуются, во-первых, тем, что они соотносены не с отдельными предметами и явлениями, а с теми или иными сторонами целых классов индивидуально различных предметов и явлений; во-вторых, «образы» этого типа выражены не совокупностью морфем одного отдельного слова, а совокупностью функционально тождественных (и не обязательно одинаковых формально-физически) показателей целого класса слов [4, с. 60]. Эта точка зрения «от значения к форме» восходит к представлениям А. А. Потемни, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы.

Так, А. А. Потемня отмечал, что грамматическая форма «со своего появления и во все последующие периоды языка есть значение, а не звук. Формальность языка есть существование в нем *общих разрядов* (выделено нами - Т. В.), по которым распределяется частное содержание языка, одновременно со своим появлением в мысли» [12, с. 61]. Шахматов, при выделении частей речи, отмечал: «Имеются и более глубокие основания для такого различия - основания семасиологические» [14, с. 427]. Знаменательным частям речи соответствуют категориальные различия в структуре «наших представлений», которые делятся на субстанции, качества-свойства, действия-состояния и отношения. И хотя прямого соответствия, как считал Шахматов, между данными категориями и грамматическими классами слов установить невозможно, тем не менее грамматические различия частей речи восходят в конечном счете к различиям «семасиологического» порядка. При этом средства выражения таких значений крайне разнообразны и не сводимы к флексиям и известным аффиксам.

Л. В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке» отмечал существование в языковой системе «общих категорий», под которые подводится то или иное лексическое значение. «Внешними выразителями грамматических значений (или категорий) могут быть изменяемость слов и аффиксы, интонация и словоупотребление, вспомогательные слова и синтаксические связи, а также многие иные средства языка [15].

В связи с вышесказанным представляется актуальным обращение к точке зрения А. М. Пешковского, впоследствии развитое В. Б. Евтюхиным [5], о характере инвариантного грамматического значения, свойственного классу местоименных слов. Согласно А. М. Пешковскому, в языке важную роль играют субъективно-объективные категории, которые выражают различные отношения «говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит» [11, с. 163].

Наряду с категориями времени, наклонения, лица, вопроса, восклицания, сообщения и др., к таким категориям относятся и местоимения, являющиеся одним из основных средств выражения категорий отношения говорящего к тому, что он говорит или мыслит. При этом, как писал А. М. Пешковский, «местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно это субъективно-объективное значение, то есть обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Там же].

Несмотря на то, что Пешковский рассматривал местоимения как семантическую группу слов, он отмечал, что для выделения местоимений как единой группы слов играет роль специфика их корневых значений (корни местоименных слов имеют грамматическое, а не «вещественное» значение) [Там же, с. 164].

Иными словами, именно в корнях местоимений, количество которых «чуть больше десятка» [3, с. 216], содержится отсылка к я говорящего, с позиций которого оценивается все сказанное. Как отмечает Пешковский, все местоименные слова образуют семантическую сферу, центром которой является местоимение я; это сфера «яйности» в языке [11, с. 164]. Будучи ситуативными, не имея постоянного вещественного значения, эти слова имеют формальное, грамматическое, значения «яйности», заключенное в их корнях.

Однако этим грамматичность значения местоимений не ограничивается. Дело в том, что словоизменяемые местоимения имеют окончания, позволяющие им выступать в функции тех или иных частей речи (местоимения-существительные, местоимения-прилагательные), т.е. иметь еще одно грамматическое значение, которое накладывается на основное. В. Б. Евтюхин считает, что об удвоенной грамматичности можно говорить применительно и к неизменяемым местоименным словам (типа *здесь, тогда, поэтому*). Только, в отличие от изменяемых слов, тот план их грамматичности, который не связывается в выражении с корнями, имеет не морфологическую, а исключительно синтаксическую природу, поскольку находит выражение в способе синтаксического употребления [5, с. 19].

Вместе с тем возникает проблема определения статуса этого грамматического значения. Думается, прав В. Г. Адмони, который не считает, что значения, выражающие отношения говорящего к содержанию высказывания и разные виды соотнесенности между актом коммуникации и высказыванием не относятся к «категориальным» значениям. Грамматические значения такого рода он предлагает называть «коммуникативно-грамматическими» [1, с. 18]. Это различие между логико-грамматическими и коммуникативно-грамматическими значениями, как отмечает В. Г. Адмони, восходит к различению А. М. Пешковским объективных и субъективно-объективных категорий [Там же].

Но можно ли такое коммуникативно-грамматическое значение местоимений рассматривать в качестве инвариантного грамматического значения местоимений как части речи? А. М. Пешковский дает на этот вопрос отрицательный ответ, в силу чего не рассматривает местоимения как самостоятельную часть речи, но распределяет местоименные слова между другими группами знаменательных слов.

Эта специфичная грамматичность местоимений обуславливает их референциальные свойства, с позиций которых нередко местоимения рассматривают вне рамок частей речи как семантико-грамматическую группу слов [8]. Референция - соотнесение языковых выражений с действительностью, а местоимение, в соответствии с этой концепцией, является главным средством референции, всегда осуществляемой в рамках конкретной речевой ситуации (речевого акта). Именно субъективизм, «яйность» грамматического значения местоимений позволяет им выступать в этом качестве, поскольку и отсылка к акту речи (к его участникам, к речевой ситуации или к самому высказыванию), и указание на денотативный статус того или иного выражения - определяются с позиции говорящего.

Вместе с тем, как нам кажется, такого рода инвариантное грамматическое значение местоимений дает основание рассматривать эту группу слов как часть речи. Этому способствует тот факт, что части речи, по мнению многих специалистов, не представляют строго научной классификации, в силу чего исследователь должен исходить при классификации языковых фактов не из «предвзятых принципов», но из тех общих категорий, которые навязываются самой языковой системой [15].

Исходя из такого представления, трактовка местоимений как ситуативно-грамматической группы, объединенной грамматическим значением субъектности («яйности»), заключенным в корневых морфемах, вполне может лежать в основе их выделения как части речи. Это тем более оправданно, что местоимения осознаются носителями языка самостоятельной группой слов в ряду других знаменательных слов языка, что подтверждается традицией.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979. С. 6-36.
2. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 606 с.
3. Гардт П. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. С. 215-226.
4. Головин Б. Г. Заметки о грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 60.
5. Евтюхин В. Б. Местоимение. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 104 с.
6. Еспрессен О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 404 с.
7. Лопатин В. В. Грамматическое значение // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 116-117.
8. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
9. Панов М. В. О частях речи в русском языке // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. 1960. № 4. С. 8-14.
10. Петерсон М. Н. Русский язык: пособие для преподавателей. М. - Л.: Гос. изд., 1925. 123 с.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

12. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1-2. 536 с.
13. **Фортунатов Ф. Ф.** Сравнительное языковедение: общий курс. М.: URSS; КРАСАНД, 2010. 178 с.
14. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз: Ленинградское отделение, 1941. 620 с.
15. **Щерба Л. В.** О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63-85.

TO THE QUESTION ABOUT PRONOUNS GRAMMATICAL MEANING

Tat'yana Pavlovna Vyazovik, Ph. D. in Philology, Associate Professor
*Department of Book Publishing and Selling
Northern-Western Institute of Print
St. Petersburg State University of Technology and Design
samolva@list.ru*

The author considers the problem of the invariant grammatical meaning of pronouns as a part of speech. The author basing on the ideas of A. M. Peshkovskii, L. V. Shcherba, V. G. Admoni substantiates the point of view according to which pronouns can be considered as a grammatical word group.

Key words and phrases: grammatical meaning; invariant grammatical meaning; categorial (deep) meaning; pronominal categories; part of speech; objective and subjective categories; logic-grammatical and communicative-grammatical meanings.

УДК 81.751

Статья посвящена особенностям сопоставления концепта «глупость» на материале татарских и английских пословиц, поговорок и афоризмов. Актуальность данной работы определяется общей направленностью современной научной парадигмы, ее заинтересованностью проблемами взаимодействия языка, мышления и культуры.

Ключевые слова и фразы: концепт; глупость; концептосфера; оценка; дифференцированный подход.

Наиля Рамилевна Гафиатуллина

*Кафедра контрастивной лингвистики и лингводидактики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
invisiblegirl15@mail.ru*

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ГЛУПОСТЬ» НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК И АФОРИЗМОВ©

Методика изучения ценностных доминант тесно связана с понятиями «концепт» и «фрейм». Прежде чем приступить к анализу культурных концептов в нашей работе, мы считаем целесообразным рассмотреть основные направления, существующие в разработке теории концептов, поскольку проблема концептуальной картины (Е. А. Чиждова) или концептосферы (Д. С. Лихачев) рассматривается в рамках различных наук: психологии, философии, логики, лингвистики.

Понятие «концепт» широко используется в современных лингвистических работах. Однако нет единого трактования этого термина. Рассмотрим разные подходы к изучению понятия «концепт» с позиции проявления и выражаем свою точку зрения по данному вопросу.

1) Логический подход, когда концепт трактуется как понятие: то же, что грамматическая или семантическая категория, обычно не высшего уровня обобщения, например, понятие двойственного числа, понятие события, понятие неактуального настоящего времени и т.п.; в этом значении стал часто употребляться термин «концепт». Отмечено, что понятие (концепт) - явление того же порядка, что и значение слова, но рассматривается в системе логических отношений и форм, исследуемых и в языкознании, и в логике, тогда как значение - только в системе языка.

2) Психологический подход, когда концепт рассматривается как личностный коррелят понятия, замещение понятия в сознании конкретного человека (Д. С. Лихачев). В связи с этим, концепт представляют как объединение субъективных (представленных личностными смыслами) и объективных (представленных психологическими значениями) знаний реципиентов. Потенции концепта напрямую связаны с индивидуальным культурным опытом человека: чем шире и богаче культурный опыт человека, тем шире и богаче потенции концепта. И наоборот: чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и, соответственно, «концептосфера» его словарного запаса. Отмечается, что имеют значение не только широкая осведомленность и богатство опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта. Концепт выступает более общим по отношению к психологическому значению и личностному смыслу компонентом концептуальной картины мира. Е. А. Чиждова выделяет следующие компоненты концепта: понятийный, эмоциональный, вербальный, слуховой, предметно-чувственный (визуальный, тактильный, вкусовой). Для реципиента актуальными могут быть различные компоненты концепта в зависимости от потребностно-мотивационного характера